

ИМПЕРАТРИЦА АФИНАИДА-ЕВДОКИЯ: ПУТЬ К ТРОНУ

Т.Л. Александрова

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва,
tatianaalexandrova@yandex.ru*

Аннотация. В статье идет речь о ранних годах императрицы Афинаиды-Евдокии (V в. н.э.), затрагиваются вопросы ее происхождения, социального статуса, образования и истории восхождения на трон. Автор предполагает, что Афинаида родилась после 401 г. (возможно, около 405 г. н.э.), что социальный статус ее семьи был достаточно высок и у нее были связи в придворных кругах. Местом ее рождения, скорее всего, были Афины, предположения о ее связи с Антиохией и Александрией не имеют достаточных оснований. Возможно, она принадлежала к тому же кругу, что и Синезий Киренский (ее дядя Асклепидот мог быть адресатом одного из писем Синезия). Этих людей, лояльных к христианскому государству и охотно принимающих христианство, но довольно свободно относящихся к его догматам, можно назвать «христианскими эллинистами». После смерти отца Афинаида попала в Константинополь, где представители партии «христианских эллинистов» устроили ее брак с Феодосием II. Роль, приписываемая в бракосочетании Феодосия и Евдокии сестре императора, Пульхерии, преувеличена и связана с последующей корректировкой истории после прихода Пульхерии к власти. В основе этого брака лежала близость интеллектуальных интересов жениха и невесты, поскольку Феодосий II был эрудитом в позднеантичном духе. Автор предполагает, что наиболее значительное влияние на Евдокию оказал сам Феодосий II, который обратил ее в христианство и сделал выразительницей собственных идей. Имя «Евдокия» («Благоволение»), полученное Афинаидой при крещении, является своего рода «программой» царствования Феодосия.

Ключевые слова: Восточная Римская империя, Афинаида-Евдокия, Феодосий II, Пульхерия, Синезий Киренский, поздняя античность, христианство

Введение

Судьба императрицы Евдокии, супруги Феодосия II, овеяна многочисленными легендами, которые многократно воспроизводятся византийскими историками и хронистами. При общей скудости информации о ней эти легенды заменили собой исторические факты. Тем не менее сопоставление легенд с обрывками фактов оказывается вполне плодотворным для исторических реконструкций, которые в ряде случаев подтверждаются другими свидетельствами. В данной статье мы рас-

---

Александрова Татьяна Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры древних языков и древнехристианской письменности Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

смотрим начало жизненного пути Афинаиды и попытаемся ответить на вопрос, было ли воцарение вчерашней язычницы, образованной эллинки, принявшей христианство, просто счастливой случайностью или закономерностью в тогдашней церковно-политической ситуации, а также попытаемся объяснить возникновение связанной с ней легенды.

Первое по времени историческое свидетельство о происхождении Евдокии содержится в еще прижизненной «Церковной истории» Сократа. «Будучи дочерью софиста Леонтия, она была образована и наставлена отцом в науках всякого рода. Когда же царь захотел жениться на ней, то епископ Атик присоединил ее к христианству и во время крещения вместо Афинаиды нарек Евдокией»¹. Таким образом, достоверно известно имя отца Афинаиды, а также то, что, став императорской невестой, она еще не была крещена.

Более подробно историю восхождения Афинаиды-Евдокии на трон первым передает Иоанн Малала (VI в.), хотя у него, несомненно, уже был какой-то источник. В хронике Малалы в классическом виде представлена «история Золушки, ставшей королевой». Именно это повествование впоследствии с минимальными вариациями будет повторяться у всех византийских историков.

Малала рассказывает, как молодой царь Феодосий решил жениться и возложил заботу по поиску невесты на свою безбрачную сестру Пульхерию. В качестве первых и главных условий Феодосий выдвигал выдающуюся красоту невесты и ее девственность. Пульхерия принялась искать невесту, в чем ей помогал друг детства Феодосия – Павлин. В то время в Константинополь прибыла прекрасная и образованная девушка Афинаида – дочь афинского философа Леонтия, к тому времени уже умершего и оставившего, помимо дочери, двух старших сыновей – Валерия и Гессия, которым он и отписал по завещанию все имущество. Афинаиде же отец завещал лишь 101 номисму золота². Афинаида умоляла братьев разделить имущество поровну, но они отказались и даже выгнали ее из дома. Тогда осиротевшую девушку приютила тетка, сестра матери, и вместе с ней отправилась в Константинополь к другой своей сестре. Там они добились приема у августы Пульхерии, которая, приглядевшись к Афинаиде, сочла, что та по всем параметрам отвечает вкусу ее брата. Феодосий, которому невесту почему-то даже не показали, заинтересовался и вместе с другом Павлином изловчился подглядеть за Афинаидой в спальне, после чего влюбился окончательно и женился на ней. Услышав о том, что Афинаида стала царицей, братья сначала попробовали бежать, но сестра милостиво обошлась с обидчиками и даровала им высокие должности: Гессий был назначен префектом претория в Иллирике, а Валерий – «магистром»³.

Даже по пересказу легко понять, что эта история представляет собой не что иное, как искусно и занимательно обработанный бродячий сюжет⁴, хотя в него

¹ Hansen 1995, 368.

² Номисма – золотая монета весом около 5-ти г. 100 номисм – примерно 500 г. золота. Для сравнения: в «Житии прп. Мелании Младшей», написанной Геронтием, указывается, что годовой доход римских аристократов Пиниана и Мелании составлял сто двадцать тысяч номисм. В то же время на 200 номисм та же Мелания смогла построить здание для монахов в своем монастыре (VM, 49). К концу жизни все имущество прп. Мелании составляло 50 номисм, которые она велела отдать на пожертвования (VM, 30).

³ Dindorf 1831, 352–357.

⁴ Holum 1982, 114.

вплетены и некоторые реальные факты. Было установлено, что подлинны имена братьев Афинаиды, которые впоследствии занимали видные государственные должности, причем те самые, которые названы у Малалы: Валерий был комитом священных щедрот, магистром оффиций и консулом⁵. Младший, Гессий, занимал должность префекта Иллирика⁶. Каковы на самом деле были их отношения с сестрой, и были ли они ее гонителями – неизвестно, но, вероятно, после воцарения Евдокии они держали ее сторону, а не противоположную.

Романическая история об Афинаиде-Евдокии двухчастна. Первая часть – история ее восхождения на трон, вторая – история удаления из Константинополя в Иерусалим. В обеих частях фигурирует друг Феодосия Павлин, во второй части играющий роль героя-любownika, в преступной связи с которым царь заподозрил жену. Интересно, что об измене как таковой у Малалы не говорится – это скорее печальное недоразумение. Нельзя не заметить, что Евдокия у него изображена с большой симпатией, как персонаж положительный: она оказывается в роли невинно-гонимой жертвы в споре с братьями; сохраняет девственность (этот момент подчеркивается особо); нравится премудрой Пульхерии; по-христиански прощает гонителей-братьев; наконец, во второй части она опять играет роль жертвы, но уже в столкновении с ревнивым мужем. Эта трактовка в целом и утвердилась в последующей истории, хотя в других источниках интерпретация роли Евдокии может быть и совсем иной. Например, в сборнике повествований о константинопольских древностях «*Patria*» рассказывается о семи языческих философах, пришедших с Евдокией и произносящих странные, по-видимому, глумливые речи⁷, а «история с яблоком» подается именно как история измены царицы: сказано, что она была влюблена в Павлина (3, 146).

В целом из повествования вполне четко вырисовываются исторические силуэты Феодосия, Пульхерии, Евдокии и Павлина. Отметим, что Пульхерия, Евдокия и Павлин оцениваются положительно, а Феодосий выведен слабым, безвольным, зависимым от чужих мнений и подверженным страстям. К этому моменту мы еще вернемся.

В конце XX в. на основе этой «истории Золушки» были созданы две реконструкции возможной исторической правды. Первая принадлежит Алану Кэмерону, который вполне допускает, что рассказ Малалы отражает действительность и Афинаида действительно была изгнана братьями и попала на прием к Пульхерии, которая выдала ее замуж за своего брата. Кэмерон отмечает нелогичность введения Афинаиды во дворец Пульхерией и объясняет такой поворот сюжета лишь тем, что так и было в действительности. Таким образом, Кэмерон считает воцарение Афинаиды-Евдокии случайностью⁸.

То, что афинская девушка-сирота попала на прием к августу, исследователь объясняет, основываясь на упоминании об ее константинопольской тетке. В «Житии Симеона Столпника» (VS, 130–131) говорится о дяде царицы – Асклепиаде,

⁵ PLRE-2, 1145.

⁶ PLRE-2, 510–511.

⁷ Рассматривая статуи на константинопольском ипподроме, философы отпускают колкие замечания. «Когда они увидели [статую] царя верхом на коне, царь спросил: «Что вы удивляетесь?» – Апеллес ответил: «Я удивляюсь, зная, что, когда Олимпийские игры прекратятся, лошади будут ездить верхом на людях» и т.п. (Berger 2013, 104.)

⁸ Cameron 1982, 276.

которого идентифицируют с Асклепидотом, консулом 423 г. и префектом претория Востока⁹. Считается, что он был мужем этой не названной по имени константинопольской тетки¹⁰.

Кэмерон исследует также происхождение Евдокии и, на основании упоминаний у византийского грамматика Иоанна Цеца, что она училась у Ориона Фиванского и Иперехия (Chil. 52f), пытается установить ее связь с Египтом, утверждая, что примерно до 415 года Афинаида жила в Александрии (датировка базируется на хронологии историка Олимпиодора, который упоминает отца Афинаиды – Леонтия¹¹ в таком контексте, что его утверждение на афинской кафедре риторики можно отнести именно к этому времени)¹².

Вторая точка зрения принадлежит Кеннету Холэму, который отрицает афинское происхождение Афинаиды и считает, что это ошибка, основанная на созвучии ее имени с названием города. Холэм утверждает, что Афинаида на самом деле уроженка Антиохии (почему она и пишет стихотворное житие антиохийских святых Киприана и Иустины, а свою речь, произнесенную в этом городе во время паломничества, заканчивает гекзаметрической строчкой, сохраненной в «Пасхальной хронике»: «Вашему роду причастна я кровью своей и корнями»)¹³.

Холэм считает невозможным, чтобы Пульхерия приняла во дворец Афинаиду – свою будущую соперницу в борьбе за влияние. В истории Олимпиодора он замечает рядом с эпизодом, рассказывающим о софисте Леонтии, другой эпизод, где, также около 415 г., упоминается некий правитель Фракии по имени Валерий¹⁴ и предполагает, что это и есть брат Афинаиды. Холэм считает, что Афинаида могла быть ставленницей партии языческих традиционалистов, а ее фракийско-иллирийские покровители, возможно, имели выход к константинопольскому двору через Павлина – сына комита домашних. В начале V в. в Константинополе эти люди группировались вокруг софиста Троила¹⁵. Видимо, к их кругу принадлежал и префект претория Востока Анфемий, имевший большое влияние в пору детства Феодосия и, по мнению Холэма, ушедший в тень после провозглашения августой Пульхерии¹⁶. В воцарении Афинаиды-Евдокии Холэм видит стремление этих людей противопоставить свою кандидатуру благочестивой христианке Пульхерии¹⁷.

Работы Кэмерона и Холэма вышли в начале 1980-х гг., а вскоре археологические раскопки неожиданно подтвердили связь Евдокии с Афинами: при раскопках была найдена надпись на постаменте статуи. Статуя, по-видимому, изображала саму царицу, но не сохранилась. Надпись стихотворная, вероятно, написанная шестистопным ямбом, но уцелела примерно половина слов, из которых ясно читается: «В честь царицы Евдокии царь Феодосий воздвиг это изваяние»¹⁸, – а далее упоминается некий «верный слугитель». Предполагается, что с семейством

⁹ PLRE-2, 160.

¹⁰ Cameron 1982, 276.

¹¹ В «Библиотеке» Фотия, cod. 80.

¹² Cameron 1982, 275.

¹³ Holm 1982, 117.

¹⁴ PLRE-2, 1144.

¹⁵ Holm 1982, 84–85.

¹⁶ Cameron 1982, 265.

¹⁷ Holm 1982, 113–120; Holm 1977, 169–170; Cameron 1982, 271–272.

¹⁸ Sironen 1990, 372.

Евдокии могло быть связано строительство так называемого «дворца гигантов» в Афинах.

В 1994 г. вышла работа Джулии Берман, в которой резюмировались исследования последних лет и по-новому, достаточно взвешенно, расставились акценты. Историю, рассказанную Малалой, Берман называет легендой *par excellence*, хотя достоверности ее не отрицает и считает, что без согласия «могущественной» Пульхерии брак Феодосия совершиться не мог¹⁹.

Таков в целом современный взгляд на эту историю. Попытаемся рассмотреть ее еще раз.

Традиционно Феодосий II изображался как правитель слабый, управляемый и подверженный постороннему влиянию, и поэтому его правление не слишком интересовало исследователей. Однако в последние годы этот взгляд начал меняться. Заметной вехой на пути переоценки стала книга Фергюса Миллара, в которой доказывалось, что годы правления Феодосия были эпохой процветания Восточной Римской империи. Этот взгляд проверен и отчасти скорректирован в направлении большей осторожности в сборнике статей под редакцией Кристофера Келли «Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity» (2013 г.). Однако и авторы этого коллективного труда признают, что, во всяком случае, эпохой упадка царствование Феодосия II назвать нельзя, а управляемость и зависимость этого императора сильно преувеличены. Выяснилось, что в своем правлении Феодосий сознательно и последовательно опирался на сенат и консисторий, а потому влияние посторонних лиц было довольно ограниченным²⁰.

На поведение Феодосия II во многом проливает свет и работа Меган МакЭвой. Модель поведения Феодосия в принципе соответствует общей модели поведения императоров-детей, функция которых в детские годы была исключительно церемониальной. При взрослении такой император оказывался перед дилеммой: либо править в согласии со сложившимся порядком, либо восстать против него и погибнуть²¹. Феодосий II как раз являет собой исключительный пример достаточно независимости от придворных партий, что говорит о нем как о личности незаурядной.

Внимание исследователей привлек и феномен политического долголетия Феодосия, который единолично занимал трон Восточной империи в течение 42 лет. Задаваясь вопросом, в чем секрет этой долговременной стабильности, исследователи, в частности, отмечают и его «мудрую династическую политику»: «Надо принять во внимание еще один важный аспект династической политики восточного двора: решение Феодосия выбрать жену, не принадлежащую к элите. Афинаида, будущая императрица Евдокия, дочь афинского профессора риторики, едва ли была подходящей партией для императора <...> Феодосий мог жениться на ком угодно <...> В противоположность предшествующим и последующим правителям Феодосий II сознательно оградил себя и свою семью от альянсов со знатью. Его девственные сестры были недоступны для искателей, а сам он женился на представительнице совсем иного круга»²².

¹⁹ Burman 1994, 64–66.

²⁰ Harris 2013, 67–90.

²¹ McEvoy 2013, 300–301.

²² Van Nuffelen 2013, 137.

Кроме того, при ближайшем рассмотрении выясняется, что роль Пульхерии, которую принято было считать соправительницей и наставницей Феодосия, на протяжении его царствования далеко не так велика, и упоминания о ней единичны²³. При изменении взгляда на Феодосия II как на правителя история его женитьбы также предстает в новом свете. Можно предположить, что в выборе невесты император не был пассивным и ведомым, а действовал согласно своему разумению, хотя, возможно, и прислушивался к мнению своих советников.

Характерная личностная черта Феодосия II – это его любовь к книгам и знаниям. «Он был не чужд наукам, – суммирует сведения об учености Феодосия Иоанн Зонара, – весьма сведущ в книгах математиков и даже в астрономии. Прекрасно умел скакать верхом и стрелять из лука, был искусен в живописи и каллиграфии»²⁴. Никифор Каллист Ксанфопул приводит подобную характеристику и для Афинаиды: «Она была необыкновенно даровита и своим отцом обучена разнообразным наукам: знала не только по-гречески, но и по-латыни и была сведуща в философии, практической и теоретической, и всем логическим доказательствам и антитезам научена, как никто другой. Знанием астрономии, геометрии и науки чисел она превосходила всех своих современников»²⁵. Вероятно, ученость Афинаиды здесь преувеличена, тем не менее вывод напрашивается сам собой: такая кандидатка могла привлечь молодого императора не столько красотой и девственностью, сколько совпадением жизненных ценностей. Очевидно, что этот брак основывался на духовной близости, что довольно редко для античности. Этим супругам должно было быть интересно друг с другом. В этой связи закрадывается сомнение не только относительно первой части истории, где в качестве основных критериев выбора невесты названы красота и девственность, но также и второй части, где подчеркивается красота Павлина, которой он якобы привлек любовь императрицы. Очевидно, что новелла, приведенная Малалой, в большей степени учитывает топоры и общие места романической литературы, нежели реальную жизненную ситуацию.

Знаменательно имя, выбранное невесте при крещении. Несомненно, оно было значимо и в некоторой степени отражало церковно-политическую программу Феодосия²⁶. С одной стороны, понятно, что это имя было дано ей в честь мученицы Евдокии Персидской и отражало тогдашнюю ситуацию войны с персами за восстановление прав гонимых христиан. С другой, на выбор имени, вероятно, повлияла фраза из толкования на Песнь Песней, написанного Евсевием Кесарийским: «Слово, видя веру от язычников и приемля ее, говорит: прекрасна ближняя Моя, как благоволение, красива, как Иерусалим»²⁷. Евдокия, таким образом, служила

²³ Ср. Александрова 2016, 379.

²⁴ Перевод мой – Т.А. По изд.: Dindorf 1870, 244.

²⁵ Перевод мой. – Т.А. По изд.: PG. T. 146, col. 1129.

²⁶ Подобный пример мы видим в смене имени жены императора Юстина I, которая носила имя Лупикина, а на престол взойшла с именем Евфимия. Хотя Прокопий Кесарийский говорит, что она была простая женщина, варварка, и имя ее звучало смешно (Hist. secr. 9, 47), дело, видимо, не в этом: после правления благоволивших миафизитам Зинона и Анастасия имя царицы, данное в честь мц. Евфимии Всехвальной, в базилике которой в 451 г. проходил Халкидонский собор, ясно свидетельствовало о позиции ее супруга в богословских спорах.

²⁷ Перевод мой. – Т.А. По изд.: Pitra 1883, 536.

олицетворением «веры от язычников», которая становится возлюбленной Христа, олицетворяемого императором.

Идея «христианского эллинизма», по-видимому, близкого Феодосию, пронизывает все творчество Евдокии-поэтессы. Все свои сочинения она пишет классическим античным размером – гекзаметром, и все они посвящены христианской тематике. При этом первое ее выступление в качестве единомышленницы мужа происходит уже в 422 г. По случаю победы ромеев над персами Евдокия пишет стихи, не сохранившиеся, но упомянутые Сократом: «сама супруга царя написала стихи героическим размером, потому что была ученой»²⁸.

Женитьба Феодосия на Евдокии знаменует собой некий поворот во внутренней политике империи, который вполне соответствует «программе», выраженной в имени царицы. В 423 г. Асклепидот, дядя Евдокии, становится консулом. К нему обращен ряд указов Феодосия, смягчающих отношение к язычникам. В конституции CTh. 16.8.26 об иудеях сказано, что христиане не должны преследовать иудеев и отнимать их синагоги; в конституции CTh. 16.10.24 – что христиане, притесняющие мирных язычников и иудеев, обязаны возратить им отнятое и возместить ущерб втрое или вчетверо. В 425 г. Феодосий издает указы о регламентации образования, которое берется под контроль государства (CTh. 14, 9, 3), что часто расценивается как основание Константинопольского университета; в 428 г. начинается работа по составлению Кодекса Феодосия, первого христианского свода законов, возвращающего государство к традиции римского права.

Между тем 414–420 годы, ознаменованные провозглашением августой юной Пульхерии и некоторым влиянием, которое, по крайней мере, связывалось с ее именем, отмечены совсем другими законодательными актами. Так, конституция CTh.16.8.22 (415 г.) позволяет христианам разрушать синагоги, в конституции CTh.16.5.58 говорится о конфискации имущества евномиян. Подобные законы неоднократно издавались при предшествующих правителях, но в те годы они, по-видимому, знаменуют собой новое наступление на инакомыслящих. Язычник Евнапий (fr. 87) вспоминает о царившем тогда беззаконии: «При царице Пульхерии народы публично выставлялись на продажу для желающих купить области. И продавались всем, великие и малые, открыто, на столах менял, словно любой другой товар»²⁹. Очевидно, что дело здесь не только в личных убеждениях совсем еще юных правителей, но и в тех силах, которые стояли за ними. Но несомненно, что личные качества Пульхерии и Феодосия давали возможность разным дворцовым партиям связывать свои ожидания с ней или с ним.

Отношения Пульхерии и Феодосия обычно рассматриваются как идиллические. Однако есть основания думать, что это не так: противостояние между ними начинается очень рано и продолжается до самой смерти Феодосия. Первый пример выхода на поверхность этого скрытого напряжения – конституция CTh.13.1.21 (от 18 августа 418 г.), в которой Феодосий отказывает в освобождении от уплаты налогов купцам, чьим бы покровительством они ни пользовались, даже если этот человек входит в штат «сестры нашего благочестия», августы Пульхерии. Сложно сказать, какой конкретный случай за этим стоит, но в упоминании имени Пульхерии в таком контексте можно усмотреть стремление молодого императора поста-

²⁸ Hansen 1995, 368.

²⁹ Перевод мой – Т.А. По изд.: Dindorf 1870, 268.

вить на место не только людей из круга августы, но и ее саму. Подобные моменты напряженности в отношениях брата и сестры можно увидеть и в последующие годы³⁰.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что Холэм прав в том, что Пульхерия никак не могла собственноручно ввести в дом Афинаиду и предложить ее брату в качестве будущей супруги. Однако нельзя согласиться и с утверждением, что Афинаиду привела к престолу партия языческих традиционалистов.

Есть ли связь между повествованием Олимпиодора о софисте Леонтии, отце Афинаиды, и соседним с ним рассказом об иллирийском правителе Валерии, сказать трудно, хотя такое сочетание имен наводит на мысль, что совпадение неслучайно. Однако нельзя сказать, кем приходился Афинаиде упомянутый Олимпиодором Валерий. Если он ее родной брат, то у них должна быть очень большая разница в возрасте. Но поскольку имена в знатных семьях обычно повторялись, иллирийский правитель может быть и более дальним ее родственником. Собственно, упоминание о Валерии говорит лишь о том, что Евдокия была достаточно знатна, чтобы быть представленной ко двору.

Патриарх Фотий приводит строчку-подпись из ее стихотворения:

Εὐδοκίη βασιλεία Λεοντιάς εὐπατέρεια³¹.

Возможно, Евдокия действительно принадлежала к древнему аристократическому роду, хотя после восшествия на престол благородство ее родни могло быть и преувеличено, поэтому указание на связь с правителем Фракии Валерием, пожалуй, даже более ценно как показатель ее социального статуса.

Примечательной фигурой является также дядя (или муж тетки) Афинаиды – Асклепиодот. Возможно, именно к нему обращено письмо Синесия Киренского (Ер. 126). Роль, которую он играет в государстве после воцарения Евдокии, указывает на то, что он вполне мог принадлежать к тому же кругу, что и сам Синесий: кругу греческих аристократов, воспитанных в старой религии, но вполне лояльно относящихся к христианству и готовых на сотрудничество с государством.

Таким образом, идея брака Феодосия с «эллинской девушкой» Афинаидой возникла, по-видимому, не в среде язычников, мечтающих о реванше, а в среде близких ко двору интеллектуалов-христиан. Брак Афинаиды с Феодосием усиливал влияние таких людей, как Асклепиодот.

Ошибочно думать, что Афинаида должна была как-то склонить Феодосия в сторону симпатий к язычеству. Можно согласиться с Кэмероном, что эти придворные «эллины» были не язычниками, а всего лишь умеренными христианами, укорененными в классической культуре и, в силу этого, возможно, исповедовавшие богословски сомнительные взгляды³². Возможно, таким христианином был и сам Феодосий, живо интересовавшийся эллинской наукой и сознательно отстранявшийся от вмешательства в церковную политику (характерно, к примеру, то, что он не присутствует ни на одном из двух созданных им соборов в Эфесе)³³. Такой христианкой стала и Евдокия (о чем свидетельствует ее творчество), и в этом смысле, вероятно, определяющее влияние оказал на нее сам Феодосий.

³⁰ Александрова 2016, 380–383.

³¹ Henry, 1960. Vol. 2, 196.

³² Cameron 2011, 192.

³³ Millar 2006, 197.

Здесь попутно встает вопрос о возрасте Афинаиды, в котором она попала ко двору. Ранние источники его не указывают. Единственную датировку, которая до нас дошла, дает Никифор Каллист Ксанфопул в XIV в., утверждая, что на момент свадьбы Афинаиде «шел двадцатый год»³⁴. Каким источником он пользуется, неизвестно, но представляется, что этот возраст завышен. Сам Никифор Каллист, видимо, тоже этим несколько удивлен, судя по тому, что он говорит «некая жена, которая все еще была девой»³⁵. Брачный возраст начинался с 12 лет, обычно выходили замуж в 15–16, 20 лет – это по тогдашним меркам уже очень много и рискованно с точки зрения продолжения рода, особенно если учитывать, что на жену Феодосия возлагались большие династические надежды. Конечно, ее личные качества могли сыграть роль, к тому же Никифор Каллист приписывает Евдокии чересчур фундаментальное образование. Однако скорее всего он просто называет возраст самого Феодосия, которому действительно на момент свадьбы было 20 лет.

Кэмерон, предполагая, что Афинаида могла учиться у Ориона Фиванского, также относит ее рождение примерно к 400 г.³⁶ Но и это тоже натяжка. Сведения, приводимые Иоанном Цецем, едва ли достоверны во всех частностях. Совершенно необязательно, чтобы Евдокия слушала Ориона Фиванского или училась у него лично. Из словаря Суда известно, что он составил для нее антологию гномических изречений (*Suda*, *Lex.* Ω 188). Понятно, что такой труд скорее можно сделать по заказу царицы, чем для обучаемого подростка. Да и едва ли Афинаида посещала посторонних учителей, пока был жив ее отец. Сведения, приводимые Иоанном Цецем, говорят лишь о том, что Евдокия и, взойдя на трон, сохраняла связи с образованной эллинской средой.

Кэмерон, не жалуящей Евдокию как автора, отзывается о ней с насмешкой, считая ее невежественной, хотя и признает, что «по остроумию и культуре она определенно должна была блистать на фоне тупых византийских дебютанток»³⁷. Однако такой отзыв чересчур тенденциозен. Повод к обвинениям Евдокии в «невежестве» давали лишь отступления от просодической нормы в ее стихах, но и они далеко не столь вопиющи, как считалось прежде, и вполне соответствуют среднему уровню поэзии того времени³⁸. К тому же у Евдокии неплохое чувство ритма и метра, поэтому в византийском произношении ее стихи звучали вполне складно, о чем свидетельствует и похвальный отзыв патриарха Фотия. Ошибки в просодии, уже неактуальной для живой речи V в., можно объяснить лишь недостатком формальной выучки, а это, скорее всего, говорит о том, что обучение Афинаиды у эллинских учителей закончилось довольно рано и она попала в среду, где подобные формальности не ценились. Короче говоря, можно предположить, что ко времени свадьбы ей было 15–16 лет. Похоже, что косвенно такая датировка подтверждается и нумизматическим материалом. Специалисты по нумизматике отмечают, что на ранних монетах Евдокия изображается «с необычно маленькой,

³⁴ PG, T. 146, col. 1140. Там же, исчисляя общий срок жизни Евдокии, Никифор Каллист делает ошибку – добавляет лишние 7 лет, утверждая, что всего она прожила 67 лет, но это неверно.

³⁵ PG, T. 146, col. 1129.

³⁶ Cameron 1982, 274.

³⁷ Cameron 1982, 277.

³⁸ Witby 2013, 112.

изящной грудью»³⁹. Эта особенность, по-видимому, говорит о стремлении мастеров монетного двора несколькими штрихами передать облик новой царицы, по возрасту еще девушки-подростка, для которой не было нумизматического образца⁴⁰.

Став женой Феодосия, юная Евдокия подпала, прежде всего, под его собственное влияние и в последующем своем творчестве старалась выражать его принципы и установки. Отсюда безусловно христианское содержание ее творчества, которое сочетается с классической формой, воспринятой без особого педантизма.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что Афинаида-Евдокия родилась около 405 г. в состоятельной афинской семье, усвоила от своего отца начатки классического образования, после его смерти попала в Константинополь к родственникам, имевшим доступ ко двору, и проблесками дарования обратила на себя внимание представителей партии «эллинов», которые сочли целесообразным устроить ее брак с молодым императором. Попав в христианскую среду, Евдокия вполне искренне обратилась в новую веру и стала единомышленницей своего мужа и выразительницей близких ему идей синтеза христианства и эллинской культуры.

Бытует мнение, что Евдокия не оказывала влияния на политику и все годы пребывала в положении подчиненной по отношению к Пульхерии, но это не так. Статус ее был очень высок, и по этикету, если обращались к двум августам сразу, первой надо было называть именно ее⁴¹. Другое дело, что Евдокия никогда не противопоставляла себя мужу и предпочитала оставаться в его тени (именно поэтому Сократ, который пишет в период наибольшего влияния Евдокии, относит паломничество в Иерусалим к славе Феодосия).

Но как же возникла романическая версия, представленная у Иоанна Малалы? Вероятно, она появилась после смерти Феодосия и прихода к власти Пульхерии, который, в сущности, был ничем иным, как узурпацией и означал смену династии⁴². В сочинениях этой эпохи роль Пульхерии во время царствования Феодосия заметно преувеличивается, и ей начинают приписываться все сколько-нибудь заметные деяния эпохи Феодосия⁴³. Возможно, первоначальная версия была направлена на дискредитацию Евдокии, которая последовательно осуществлялась в кругах, близких к Пульхерии. Следы ее можно найти в сборнике «*Patría*», где говорится о том, что с Евдокией в Константинополь пришли враждебные христианству язычники, а история с Павлином подается как история подлинной измены. По духу и тону эта версия близка к фрагментарно дошедшей до нас «Евфимиевой истории», написанной в 90-е гг. V в. при константинопольском архиепископе Ев-

³⁹ Grierson, Mays 1992, 156.

⁴⁰ Изображения малолетних императоров могли делаться с их родителей.

⁴¹ Александрова 2016, 379–380.

⁴² По существовавшему в империи со времен Диоклетиана правилу, нового августа должен был назначить уже действующий август. Для Маркиана таковым являлся Валентиниан III. Пульхерия не имела права самостоятельно возводить Маркиана на престол. См. Burgess 1993–1994, 65; McEvoy 2013, 290.

⁴³ Александрова 2016, 374–377.

фимии, ревностном халкидоните⁴⁴. Версия Малалы, скорее всего, отражает примирительную политику эпохи Юстиниана, с перевесом, однако, в сторону халкидонитов, поэтому и Пульхерия, и Евдокия выведены как положительные героини, но решающее слово остается за Пульхерией, Феодосий изображен слабавольным, а Евдокия – невинной жертвой.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова, Т.Л. 2016: Феодосий II и Пульхерия в изображении Созомена (к проблеме датировки «Церковной истории»). *ВДИ* 2, 371–387.
- Кривушин, И.В. (ред.) 2010: *Евагрий Схоластик. Церковная история*. СПб.
- Berger, A. (ed.) 2013: Accounts of Medieval Constantinople (the Patria). *Dumbarton Oaks Medieval Library* 24. Cambridge–Massachusetts–L.
- Burgess, R.W. 1993–1994: The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic. *Byzantinische Zeitschrift* 86/87, 46–68.
- Cameron, A. 1982: The Empress and the Poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. *Yale Classical Studies* 27, 217–289.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford.
- Dindorf, L. (ed.) 1831: *Ioannis Malalae Chronographia*. Bonn.
- Dindorf, L. (ed.) 1870: Eunapius. Fragmenta Historica. *Historici Graeci Minores*. Vol. 1. Leipzig.
- Grierson, Ph., Mays, M. 1992: *Catalogue of the Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection, from Arcadius to the Ascension of Anastasius*. Washington.
- Hansen, G.H. 1995: *Socrates Scholasticus. Kirchengeschichte*. Berlin.
- Harris, J. 2013: Men without Women: Theodosius–Consistory and the Business of Government. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Henry, R. (ed.) 1960: *Photius. Bibliothèque*. Vol. 2. Paris.
- Holum, K.G. 1977: Pulcheria's Crusade a.d. 421–422 and the Ideology of Imperial Victory. *Greek-Roman and Byzantine Studies* 18, 153–172.
- Holum, K.G. 1982: *Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Los Angeles.
- Lourié, B. 2007: L'Histoire euthymiaque – l'œuvre du patriarche Euthymios. Euphemios de Constantinople (430–496, +515). *Warszawskie Studia Teologiczne* XX, 2, 189–221.
- McEvoy, M. 2013: *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford.
- Millar, F. 2006: *A Greek Roman Empire. Power and belief under Theodosius II (408–450)*. Berkeley–Los Angeles–L.
- Sironen, E. 1990: An Honorary Epigram for Empress Eudocia in the Athenian Agora. *Hesperia* 59, 371–375.
- Van Nuffelen, P. 2013: Olympiodorus of Thebes and Eastern Triumphalism. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Witby, M. 2013: Writing in Greek: Classicism and Compilation, Interaction and Transformation. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.

REFERENCES

- Aleksandrova, T.L. 2016: Feodosiay II i Pul'hreriya v izobrazhenii Sozomena (k probleme datirovki «Cerkovnoy istorii»). *Vestnik drevney istorii* 2, 371–387.

⁴⁴ Lourié 2007, 189–221.

- Berger, A. (ed.) 2013: Accounts of Medieval Constantinople (the Patria). *Dumbarton Oaks Medieval Library* 24. Cambridge–Massachusetts–London.
- Burgess, R.W. 1993–1994: The Accession of Marcian in the Light of Chalcedonian Apologetic and Monophysite Polemic. *Byzantinische Zeitschrift* 86/87, 46–68.
- Cameron, A. 1982: The Empress and the Poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. *Yale Classical Studies* 27, 217–289.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. Oxford.
- Dindorf, L. (ed.) 1831: *Ioannis Malalae Chronographia*. Bonn.
- Dindorf, L. (ed.) 1870: Eunapius. Fragmenta Historica. *Historici Graeci Minores*. Vol. 1. Leipzig.
- Grierson, Ph., Mays, M. 1992: *Catalogue of the Late Roman Coins in the Dumbarton Oaks Collection, from Arcadius to the Ascension of Anastasius*. Washington.
- Hansen, G.H. 1995: *Socrates Scholasticus*. *Kirschengeschichte*. Berlin.
- Harris, J. 2013: Men without Women: Theodosius Consistory and the Business of Government. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Henry, R. (ed.) 1960: *Photius. Bibliothèque*. Vol. 2. Paris.
- Holum, K.G. 1977: Pulcheria's Crusade a.d. 421–422 and the Ideology of Imperial Victory. *Greek-Roman and Byzantine Studies* 18, 153–172.
- Holum, K.G. 1982: *Theodosian Emperresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Los Angeles.
- Krivushin, I.V. (red.) 2010: *Evagrij Shrolastik. Cerkovnaya istoriya*. Saint-Petersburg.
- Lourié, B. 2007: L'Histoire euthymiaque – l'œuvre du patriarche Euthymios. Euphemios de Constantinople (430–496, +515). *Warszawskie Studia Teologiczne* XX, 2, 189–221.
- McEvoy, M. 2013: *Child Emperor Rule in the Late Roman West, AD 367–455*. Oxford.
- Millar, F. 2006: *A Greek Roman Empire. Power and belief under Theodosius II (408–450)*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Sironen, E. 1990: An Honorary Epigram for Empress Eudocia in the Athenian Agora. *Hesperia* 59, 371–375.
- Van Nuffelen, P. 2013: Olympiodorus of Thebes and Eastern Triumphalism. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.
- Witby, M. 2013: Writing in Greek: Classicism and Compilation, Interaction and Transformation. In: C. Kelly (ed.), *Theodosius II: Rethinking the Roman Empire in Late Antiquity*. Cambridge.

THE EMPRESS ATHENAIS-EUDOCIA: THE PATH TO THE THRONE

Tatiana L. Aleksandrova

Saint Tikhon Orthodox University, Russia,
 tatianaalexandrova@yandex.ru

Abstract. The article reviews the early years of the Empress Athenais-Eudocia (5th century AD) and dwells on the questions of her origin, social status, education and ascension to the throne. The author suggests that AD 401 is the terminus post quem for the birth of Athenais (she could be born around AD 405); the social status of her family was sufficiently high and she had some relations at the court. Most likely, her birthplace was Athens; the suggestions about her connections with Antioch and Alexandria do not have reliable grounds. She could belong to the same circle as that of Synesius of Cyrene (her uncle Asclepiodotus might be the addressee of one of Synesius' letters). The people, who were loyal to the Christian State and willingly converting to Christianity, but rather liberal towards its doctrine, can be described as “Christian Hellenists”. After her father's death Athenais came to Constantinople, where the Christian Hellenists

---

arranged her marriage with Theodosius II. The role, attributed to the emperor's sister Pulcheria in the arrangement of this matrimony, is greatly exaggerated and associated with subsequent historical forgery that took place during the reign of Pulcheria. This marriage was based on the proximity of the intellectual interests the bride and the groom shared, because Theodosius II was a kind of a late-antique scholar. The author suggests that the most significant impact on Eudocia had Theodosius II himself; it could be seen in her conversion to Christianity and in transmitting his own ideas. The name "Eudocia" ("Grace" or "Benevolence") received by Athenais at the baptism might have sounded as the program of the reign of Theodosius II.

Key words: Empress Athenais-Eudocia, Theodosius II, Pulcheria, Synesius of Cyrene, Byzantine history, Late Antiquity, Christianity

---
